

Мужчины в моей жизни!

Тата К.

Тата К.

Мужчины в моей жизни!

«Автор»

2020

К. Т.

Мужчины в моей жизни! / Т. К. — «Автор», 2020

Реальная история бывшей дальневосточной актрисы о многолетних попытках встретить мужчину ее мечты в России и за рубежом, а также портретные зарисовки двух друзей автора. Книга написана легким, ироничным языком, рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

Содержание

Мужчины в моей жизни!	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Тата К.

Мужчины в моей жизни!

Мужчины в моей жизни!

Глава 1

– Убью-ю-ю!.. – кричал папа, выскакивая из туалета и натягивая на ходу трусы...

Что это обращение было отправлено в мой адрес, я не сомневалась... Хотя я совсем не подходила к моему четырехмесячному брату! Он плюхнулся с дивана, громким хлопком, а потом и криком оповестив об этом всю нашу двухкомнатную квартиру в хрущевке на втором этаже. Мама была на кухне. Что было потом, я плохо помню. Но обида накатила, слезы душили, я ведь его совсем не трогала!

Девочкой я была провинциальной, родилась в приморском шахтерском городке. А потом мои молодые родители, отучившись в «вышке» во Владивостоке, переехали жить сначала в поселок Эльбан, затем в город Амурск, на Дальнем Востоке страны.

Папа рос и делал карьеру от инженера-строителя до управляющего трестом «Амурскстрой». Он любил вот это: «Не каждому дано так щедро жить, друзьям на память города дарить!» Он был партийным, честным, громким и властным. В городе его знали. Уважали. Городские мероприятия, демонстрации и т.д. без него не проходили. Он был в числе первых в колонне, на партийных сборах, среди представителей городской администрации. В общем, всю душу и любовь он вкладывал в работу, партию, и что оставалось – в семью!

Мама была при папе! Она закончила педучилище во Владивостоке. В Эльбани работала заведующей детским садом, куда ходила я. А в Амурске, пока была беременна братом, переквалифицировалась на строителя. Закончила строительный техникум.

Мама осиротела в пять лет. Ее воспитывала бабушка, у которой было еще пятеро детей. Сестры и братья мамы моей мамы (их было пятеро) стали сестрами и братьями моей маме. Естественно, лучший кусок в большой семье следовало отвоевывать. Родилась моя мама в 1942 году. Она рассказывает, что жили они не бедно, на столе было все. Но свой характер девочке, самой младшей в семье, нужно было проявлять...

Я родилась в 1962 году. Как говорила мама, папа во мне души не чаял. Я была хорошенькая и смышлёная. В нашей семье царил порядок. Обязательно завтрак, обед и ужин! Когда у родителей был отпуск, они проводили его на моей родине, в городе их встречи Партизанске, в Приморском крае. Они работали на огороде и в частном доме моей бабушки и дедушки по папиной линии. Работы хватало на весь отпуск, еще и оставалось. Надо отдать им должное, они это делали с радостью и воодушевлением. Нароботаются в отпуске – и в Амурск, опять на работу.

До пятого класса я училась хорошо. Пока не было физики и сложной математики. Я приходила из школы и бывала предоставлена самой себе! Однажды мы с соседкой Наташкой пошли «поступать» ее в музыкальную школу. Я – в качестве группы поддержки. Меня на всякий случай тоже прослушали, похвалили и взяли учиться, а Наташке сказали приходить на следующий год! За этот год велели развить слух. Она его развила только до игры на аккордеоне...

На фортепьяно же играла я! Пять лет ходила в музыкальную школу и играла единственный этюд К. Черни. Им и закончилась моя музыкальная карьера. Мои преподаватели по классу фортепьяно менялись каждый год, и каждая начинала с постановки рук на клавиатуре! В общем, этюд К. Черни был моим самым нелюбимым произведением. Зато я подбирала музыку

на слух! И это было самым приятным моментом! Вечером, после очередного сабантуя по поводу сдачи объекта, папа садился в кресло, закрывал глаза и говорил: «А вот это можешь? *Не каждому дано так щедро жить, друзьям на память города дарить!*» И пока я на слух подбирала, он засыпал, а когда просыпался, говорил: «Ни черта ты не можешь!»

Надо сказать, что добрых слов от папы я особо не получала и не ждала. Уж такие они были, мужчины послевоенного времени. Но потребность обожания и желание нравиться во мне сидели уже лет с тринадцати. До восьмого класса меня увозили к бабушке в Партизанск. Там я проводила все лето. Возвращалась не девочкой-подростком, а *тетей Наташей*, с весом, набранным благодаря бабушкиному варенью, намазанному на толстый слой масла. И все это на большом куске свежего белого хлеба.

Что хорошо помню – книги. Они хранились в старинном комоде. Потрепанные и зачитанные. Они по-особому пахли! Листочки выпадали, приходилось их раскладывать по номерам. Некоторых страниц не было вообще. Читать их было в удовольствие.

После седьмого класса я начала «бить копытом», больше не хотела ехать к бабушке. Я оставалась в городе. Уже начались ухаживания. Однажды мальчик из девятого класса нарвал мне сирень в день моего рождения. Когда он провожал меня домой, навстречу нам шла моя мама с прутиком, подобранным с земли.

– Наташа, домой! – пропела мама, угрожающе помахивая прутиком, – Уже поздно!..

Надо сказать, что я должна была возвращаться домой до двадцати двух часов, но в тот вечер задержалась.

– А ты зачем сирень сломал? – спросила она Валерку.

– Ну... день рождения...

– Ну и что, сирень ломать нельзя!

Мне было и стыдно, и обидно. Шел воспитательный процесс. Старших нужно слушать. И неважно, что происходит в душе дочери в данный момент.

Я видела, как ко мне относятся мальчишки в школе. На уроки физики я подсаживалась к самому умному мальчику в классе Толику Ф. и он решал мой вариант контрольной по физике и свой. Отвечать урок я не ходила к доске, отвечала с места. Таким образом, благодаря подсказкам Толи имела 4 по физике. Но, на экзамене, конечно, ответила еле-еле на троечку. Чем привела в недоумение учителя физики. Девчонки меня не любили, завидовали. Устраивали травлю. Bullying. Пришлось как-то даже перейти в другую школу, благо мы поменяли квартиру на большую в новом районе. У меня же родился брат, положено было по квадратным метрам. В новой школе не было ничего примечательного, если не считать, что классным руководителем у нас была учительница русского языка и литературы. Если она злилась на ученика, то громко кричала: «Я тебе литературным языком говорю, заткни свою пасть!»

Я ходила у нее в любимчиках. Мои сочинения она зачитывала вслух перед классом. А по литературе просила подготовить и рассказать на внеклассном чтении, например, про Анну Каренину (в школе проходили только «Войну и Мир»). Мне было нетрудно, я читала, а потом с удовольствием рассказывала перед классом о страсти и ненависти. О мире, где правят предрассудки и стереотипы. О том, когда приходится делать непростой выбор между страстью и семьей. Я заливалась соловьем, как будто проживала жизнь Карениной. Мне это безумно нравилось. А еще больше радовало то, что учительница довольна и класс слушает. Короче, спектакль одного актера. *Мне нравилось нравиться.*

После окончания школы вопрос о профессии не стоял: я хотела быть актрисой! Папе, естественно, не очень понравился мой выбор. Но, как мне кажется, он вообще не представлял, *что* из меня может получиться путного – так пусть хоть какое-то высшее образование.

Он смирился. Сразу были подключены все силы для *поступления* меня в Институт искусств в городе Владивостоке. Там проживала моя любимая тетя (папина старшая сестра)

с мужем – контр-адмиралом Тихоокеанского флота Дальневосточного округа. Тот в свою очередь подтянул всех знакомых и не очень знакомых для содействия в моем поступлении.

Хотя я поступала на актерский факультет, со мной работала педагог по вокалу. Я ходила к ней на занятия, не понимая – зачем? Я и так неплохо пела. Она заставляла меня профессионально набирать воздух в легкие и произносить каким-то утробным звуком: «Вот и стали мы на год взрослей, и пора настает, мы сегодня своих голубей провожаем в далекий поход!»

Мне было шестнадцать лет. Я не провожала никаких голубей. Я подготовила басню, прозу и стихотворение. А еще, чтобы показаться в купальнике перед комиссией, сидела три дня на гречке.

В институте было о-о-очень интересно. Публика необычная. Старшекурсницы блистали нарядами. Мужчины курили на крыльце института. Кто-то трубку. Кто-то использовал мундштук. Я была настолько провинциальна, что вся сжималась, когда кто-то из курящих помогал открыть дверь перед входящей: *пожалуйста, мадам, уазель!* Один из них сейчас знаменитый актер, а тогда – студент второго курса, Сергей Степанченко. Он меня потом научил подбирать на пианино «утомленное солнце, нежно с морем прощалось...»

На курсе у нас училось тридцать шесть человек. Было много возрастных мужчин. Я работала в отрывках из спектаклей у старшекурсников, участвовала в творческих этюдах одногруппников. На подсознательном уровне я понимала, что нравлюсь парням, но флюиды, о которых много говорили на уроках мастерства педагоги, у меня не рождалась ни к одному. Я просто работала в предлагаемых обстоятельствах. Репетиции, репетиции и репетиции!

Я была домашней девочкой, жила в адмиральской семье. Но в общаге института была такая жизнь, которая манила... Свобода действия, никаких запретов, родители далеко. Песни под гитару: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке!» Весело было до зачетной недели...

Работал у нас педагог по истории театра. Звали его Электрон Григорьевич Дементьев. Он курил трубку. Носил бородку. Его грассирующий «ррр» раскатисто звучал далеко за стенами аудитории, где он читал свою дисциплину. Человеком он был своеобразным. Предмет свой давал играючи. Только зачет ему сдать было невозможно. Учишь, учишь легенды и мифы древней греции, двенадцать подвигов Геракла, или зазубриваешь имена девяти муз, – бесполезно, он находил к чему придаться.

Девчонки-старшекурсницы уже выпускались из института, а все бегали сдавать историю театра. Какие только истории не рассказывали! Нужно надевать глубокое декольте и глубоко дышать, или же, сидя за столом, прижиматься своими коленями к его коленям. Кто как ухитрялся победить Электрон-Григорьевича. Я не думала, что у меня хватит смелости его победить! Я его боялась!

А еще в конце первого семестра к нам пришел новый педагог по мастерству. Нам его представили как родственника поэтессы Зинаиды Николаевны Гиппиус. Он был довольно стар и парализован. В аудиторию входил очень медленно, медленно опускался на стул, забрасывал руки на стол, как кукла в театре Образцова. Закуривал папиросу и медленно опускал голову к рукам, чтобы затянуться. Потом выпускал дым и... начинал говорить. Я ничего не помню, кроме его причмокивания челюстью, присасывания воздуха и посвистывания... Помню, как-то пришла в голову мысль, что ему нужно походить на вокал к даме, которая меня обучала пению.

Да, однажды, я все-таки поняла, *что* он сказал: курс, мол, очень большой, поэтому он будет работать только с небольшим количеством студентов. Останется человек десять, с остальными вынужден будет расстаться! Я не сомневалась, что расстаться он захочет и со мной! Вот в таком настроении я приехала на каникулы в Амурск.

Амурск маленький, провинциальный городок, расположенный недалеко от Комсомольска-на-Амуре. Его с гордостью строил мой папа. Кроме двух клубов, одного кинотеатра и одного ресторана, там больше ничего не было. Молодой студентке пойти было некуда. Я бро-

дила по центральной улице, по которой гуляли все, кто не знал, куда себя деть. Заглянула в продуктовый магазин. Очередь за молоком. В конце очереди... он! Возвышается на голову над женщинами, стоявшими впереди. Глаза темные. Вот они – флюиды!

Я развернулась и вышла из магазина. «Девушка!» – Дрожь в коленях! «Девушка!» – Он поравнялся со мной...

Дальше помню только свой день рождения! Его звали Сергей Р. Мы уехали большой компанией к нему на дачу. Я не предупредила родителей. Боялась, что не отпустят. Это должна была сделать его мама, *de facto*!

Вернулись мы на следующее утро! Всю ночь я берегла девственность. В ушах стояли мамины слова: «НЕ СОГРЕШИ!». Парень был измучен. Когда он доставил меня домой, папа закричал: «Пошел вон!..», потом повернулся ко мне и залепил пощечину. Сергей ушел.

Я плакала. С нетерпением ждала, когда родители уйдут на работу. Звоню:

– Сережа, как ты?

Он молчит. Потом:

– Нормально... Не получится у нас с тобой ничего. Твой отец –управляющий трестом. А я – кто?..

Я про это вообще не думала, я любила! А потом, чтобы Сергея не забрали в армию, мой папа посодействовал его поступлению в институт г. Тулы. По целевому направлению. Чтобы парень мог вернуться с дипломом в Амурск и продолжать рабочую карьеру. Из Тулы Сергей присылал мне письма о том, как весело учиться, и фотографии с женской сумочкой в руках. А еще он писал о том, что меня видели с двумя парнями – я шла между ними и шаталась! Про любовь слов не было!

И, конечно же, он загремел в армию.

Глава 2

Когда Сергей уехал, я впала в депрессию. Неделю рыдала дома под музыку популярного тогда Джо Дассена. На тот период я поступила в Институт культуры в Хабаровске. На актерско-режиссерский факультет. Курс был такой же большой, как и во Владивостоке. Никто никого не собирался выгонять. Нас просто разделили на две подгруппы. Во второй учился парень Александр К. Он ходил на занятия в костюме и с дипломатом и выглядел старше других парней в группе: лысоватый, с бородкой, с сильным бархатным голосом. Харизматичный и обаятельный, он был бесспорным лидером на курсе. Прекрасно владел музыкальными инструментами: гитара, аккордеон, рояль, балалайка, баян. Со слухом у него все было прекрасно, ведь он был самоучка. Девчонки были от Саши без ума, парни (кто не завидовал) тянулись к нему. С ним было интересно и надежно! Главные роли в этюдах, отрывках из спектаклей – его. Он мог все!

Мне было не до учебы. Я страдала! Квартиру в Хабаровске я снимала со своей однокурсницей Инной Ф. Она была из Комсомольска. Девчонка без комплексов. Была в ней какая-то *манкость*. Мужчины ее желали. Мы ходили с ней в ресторан, не имея ни копейки за душой. Она распускала длинные крашенные волосы. Включала улыбку из тридцати двух зубов, и мужчины были у ее ног, готовы накормить и утанцевать двух студентов. Некоторые жаждали продолжения, но нам удавалось ретироваться. А если нет... Инка отработывала вечер на полу в нашей съемной квартире.

Для меня это были бессонные ночи. Я не знала, как реагировать на вздохи и вскрики подруги. Жалеть или радоваться за нее. Мне было девятнадцать лет. Я была целомудренна и невинна! А в душе – огонь. Мне нравилось нравиться. Я страдала, скучала, ждала! Я любила Сережу! Соответственно, пропускала лекции и семинары. Еле-еле тянулась по актерскому мастерству, что вообще недопустимо. В один прекрасный день ко мне подошла наша куратор Ольга Ильинична С.

– Наташка, что с тобой?

– Не знаю, – расплакалась я.

– Так, тебе нужно влюбиться!.. Саша К. к тебе очень хорошо относится!

Она обняла меня.

Уже на следующий вечер Саша К. был у нас в гостях. С неизменным дипломатом, в котором, как оказалось, лежали 4 бутылки вина «Токайское». У нас часто собирались однокурсники, так было и в тот вечер. Играли на гитаре, пели, пили «Токайское», спорили, смеялись. Саша К. играл на гитаре, пел:

Повесил свой стюртук на спинку стула, музыкант

Расправил нервной рукой на шее черный бант.

Подойди скорей поближе, чтобы лучше слышать,

Если ты еще не слишком пьян...

Я смотрела на поющего однокурсника и думала: если останется у нас ночевать, отдамся! Это сейчас смешно звучит. А тогда мне было и радостно, и страшно. Сейчас я уже не помню, случилось *это* в тот вечер или другой. Помню только, что, когда это произошло, я не поняла, почему Инка так покрикивала и попискивала во время полового акта.

Жизнь ко мне вернулась. Я продолжала заниматься мастерством, сценречью, сцендвижением. Однажды, после очередного урока сценического движения, я почувствовала дискомфорт внизу живота и в груди. «Ну вот, – подумала я, – от собак бывают блохи, а от мужчин – дети... А в ушах – «Не согреши!»

Мою беременность подтвердила медсестра в медпункте институтского общежития:

– Беременность какая?

– Что? – не поняла я.

– Сколько раз была беременной?

– Ни разу...

– Абортов сколько было?

– Что?

– Что ты прикидываешься? Тут все такие ходят!

Из медкабинета я вышла растерянной и подавленной! Я стояла на крыльце общежития, кто-то шел мимо.

– Наташ, на тебе лица нет, что случилось?.. Да не слушай ты эту медсестру... она всем один диагноз ставит! Даже если голова болит или зуб –беременна!

Затепилась надежда, но... слезы душили!

Позвонила маме.

– Наташа! Что случилось?

– Мам, кажется, я беременна!

Дальше я ничего не помню. Помню только, что ходили вместе с мамой к лучшему гинекологу Амурска. Мама надела мне на палец свое обручальное кольцо. Вердикт: недель тринадцать-четыренадцать.

Я помню, что, когда сказала Саше К., он усмехнулся в усы. Мы пришли в гости к его родителям и бабушке, которая следила за Сашенькой с детства. «Я девчонок не люблю, – сказала она. – У меня два сына и внук, все мальчики. Внука я очень люблю, – бросила баба Клава, – в обиду его не дам!»

Сашина мама, Эмма Даниловна К., была кроткой, улыбчивой женщиной. Она всю жизнь проработала в детском саду. Была заслуженным педагогом СССР. На свою зарплату Эмма Даниловна тащила мужа-алкоголика и его маму Клаву, пенсия которой была, разумеется, очень маленькой. Жили они скромно, на пятом этаже в двухкомнатной хрущевке. Как говорят риелторы, расположение «икарус».

Встречать новый 1982 год мы поехали в Амурск. Знакомиться с моими родителями. Саша не вызвал восторга у моих родных. Ну ладно, строитель, ну военный подводник, как наш родственник из Владивостока, но *режиссер*!

Свадьбу наметили на февраль. Свободное место для регистрации осталось на 20 число. В этот день родился мой папа.

Такой веселой свадьбы не видел ни один из присутствующих. Ведь десять человек из приглашенных были студенты Института культуры! Жених и свидетель играли на гитарах под окнами невесты:

*Гляжусь в тебя, как в зеркало,
До головокружения,
И вижу в нем любовь мою,
И думаю о ней.*

«Поп» крестил», «цыгане» табором пели и воровали невесту. Приглашенной на свадьбу высшей прослойке общества понравилось все. Гуляли два дня.

Когда мы вернулись в институт, оказалось, что кафедра театральной режиссуры хотела бы отправить в Москву, на курс Петра Фоменко, лучшего студента кафедры Александра К. И где-то на годик. А рожать мне нужно было, по всем показателям, в июле. Т.е. мне следовало бы взять академический отпуск.

– Нет, – твердо сказала я. – Мы этого ребенка вместе делали, вместе и будем воспитывать. Никакой Москвы!

Дашенька родилась в июле. «Слава Дашке, Слава Сашке, Слава матери Наташке!» – протянули баннер наши однокурсники. Приветствие было придумано нашим близким другом, однокурсником, актером и поэтом Виктором Ф.

Рожала я в Амурске. Разумеется, под патронажем лучших врачей. Когда Саша навестил меня в больнице, моя соседка по палате спросила: «Он у тебя из Прибалтики? Такой светленький! Солидный!»

В Сентябре Саша уехал в стройотряд. Я вернулась в институт в октябре. Между кормлениями ребенка, бегала на сценречь, сцендвижение, мастерство актера. Умудрилась поработать с Народным артистом Михаилом Ульяновым в спектакле «Ричард третий». Театр имени Вахтангова гастролировал тогда в Хабаровске. Прибегала домой, готовила ужин, пеленала девочку и с тяжелым сердцем опять оставляла ее с бабой Клавой, которая любила только мальчиков. Я и Саша были востребованы в этюдах и спектаклях курса как никогда.

Вечером после репетиций я приходила уставшая и измотанная. Радовали только большие голубые глаза моей малышки! Она терпеливо кряхтела и искала меня глазами, пока я готовилась к кормлению. Отец Саши, напиваясь, ломился ко мне в комнату – зачем, я не понимала. Что-то кричал. Эмма Даниловна и баба Клава его удерживали и успокаивали. Я спрашивала Эмму Даниловну, почему она не уйдет из этого ада. И, как правило, оставалась без ответа.

Саша приходил поздно. Уже будучи студентом, он преподавал в театральной группе «Алый парус» при дворце пионеров в Хабаровске. Это была его отдушина. Я не возражала. Он возвращался домой, сразу заходил в ванную и отстирывал добела Дашины укаанные подгузники. Я смеялась: *Сашок-порошок!* Затем он ужинал под присмотром бабы Клавы, которая жаловалась, что я использую ее кастрюлю и таз. Потом заходил в нашу комнату – я отдавала ему неспящую Дашу и засыпала.

А утром все опять по кругу. Репетиции, лекции, репетиции, дочь, кормежка, стирка, репетиции... Однажды к нам приехали мама с братом – посмотреть, как мы живем. Через некоторое время после ее возвращения мне позвонил папа.

– Наташа, как ты отнесешься, если мы заберем Дашеньку? Мама возьмет отпуск по уходу за ребенком!

В семь месяцев я отняла девочку от груди. Оставила родителям. Впереди... зачетная неделя и диплом.

Наш курс театральной режиссуры в институте был самым лучшим на период существования Хабаровского государственного института искусств и культуры – с 1968 года. Мы выпустились в 1984 году. До сих пор нас называют «золотой курс». Еще бы! Со мной учились: Татьяна Ф., режиссер театра КНАМ из Комсомольска-на-Амуре; Константин К., главный режиссер ТЮЗа (г. Хабаровск); Виктор Ф., заместитель директора КГБУК *Хабаровский краевой театр кукол*; Анна Ш., доцент кафедры режиссуры и актерского мастерства ХГИК, кандидат исторических наук, заведующий литературной частью Хабаровского ТЮЗа, член Ассоциации театральных критиков; Андрей Н., ныне покойный – заслуженный работник культуры, главный художник Хабаровского театра музыкальной комедии.

А тогда мы были молодыми... У меня накопилась куча «хвостов» по дисциплинам, которые, как правило, я не принимала всерьез. И вот пришло время сдавать зачеты. У меня началась истерика. «Не паникуй!», сказал Саша. И придумал такую схему: в первой пятерке идут самые сильные студенты, тянут билеты, готовятся и делают так, чтобы следующий входящий на экзамен студент, выучив ответы только на один билет, именно его и вытянул!..

Мужики нашего курса были самыми обаятельными и привлекательными. Им навстречу шла любая секретарь приемной комиссии! Смешно получилось с педагогом по клубоведению. Его звали Илья Петрович Боголюбов. Он был большим любителем девчонок с курса хореографии. А вот театралов не жаловал: много пропускали лекций по его дисциплине.

Накануне экзамена наши мужики пригласили его на берег Амура. Чтобы договориться о системе расклада экзаменационных билетов по отработанной системе. Взяли ящик водки, какую-то закуску и почти убедили педагога в таланте и нужности его предмета в будущем. А таким образом – и о высоком выпускном балле курса по дисциплине «Клубоведение».

Закончив свою миссию, напоследок мужики пошли окунуться в воду. Когда Илья Петрович вышел на берег... казался почерневшим и постаревшим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.